

2. Regulation (EC) No 460/2004 of the European Parliament and of the Council of 10 March 2004 establishing the European Network and Information Security Agency (Text with EEA relevance) // Official Journal L 077 , 13/03/2004 P. 0001–0011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX: 32004R0460:EN:HTML>

3. Бородакий Ю. В. Кибербезопасность как основной фактор национальной и международной безопасности XXI века / Бородакий Ю. В., Доброде-ев А. Ю. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/kiberbezopasnost-kak-osnovnoy-faktor-natsionalnoy-i-mezhdunarodnoy-bezopasnosti-hh-veka-chast-1>

4. Дубов Д. В. Стратегічні аспекти кібербезпеки України. / Національна безпека та її складники [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sp.niss.gov.ua/content/articles/files/16–1446038514.pdf>

5. A/67/66–E/2012/49, Генеральная Ассамблея Экономический и Социальный Совет. / Организация Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/a67d66_ru.pdf

6. Проект Закону про кібернетичну безпеку України // Верховна Рада України [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=47240

7. Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/disarmament/HomePage/ODAPublications/DisarmamentStudySeries/PDF/DSS_33_Russian.pdf

8. Проект. Концепція інформаційної безпеки України. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mip.gov.ua/done_img/d/30-project_08_06_15.pdf

М. М. Камышанский¹

АКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ИСТОЧНИКИ ЮРИДИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ

Для теории и практики международного публичного права вопросы о юридических основаниях международно-правовой ответственности

¹ Аспирант кафедры международного права Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

государств в целом и о возможных источниках юридических оснований международно-правовой ответственности государств в частности всегда актуальны. Если международный договор и международно-правовой обычай в данном случае получили должное обоснование на теоретическом и практическом уровне, то акты международных межправительственных организаций (далее – ММПО) требуют уточнений. Это связано с тем, что, во-первых, среди огромного количества актов ММПО качеством источников юридических оснований международно-правовой ответственности государств обладают лишь те акты, которые в соответствии с уставом данной организации носят юридически обязательный характер. И, во-вторых, рассматривая вопрос о предоставлении международной организации возможности принимать обязательные акты, государства идут на это, как следует из положений уставов ММПО, с большой осторожностью.

Как правило, юридически обязательный характер имеют акты ММПО, относящиеся к организационным и организационно-техническим вопросам их деятельности (внутриорганизационные вопросы). Это те акты ММПО, которые составляют так называемое «внутреннее право» международных организаций. Они устанавливают процедурные правила работы их органов, уточняют структуру и функции этих органов, определяют рамки полномочий органов и лиц, выступающих от имени организации и т. д. Например, согласно статье 16 Устава Совета Европы Комитет министров принимает решения, имеющие обязательный характер, по любому вопросу, касающемуся внутренней организации и порядка работы Совета Европы. Согласно Уставу ООН, Генеральная Ассамблея принимает обязательные для её членов акты по правилам процедуры (ст. 21 Устава), по бюджету ООН и распределению расходов между членами (ст. 17 Устава).

Несколько иначе обстоит ситуация с признанием юридической обязательности за теми актами ММПО, которые формируют их предметную компетенцию. Как правило, это важнейшие международные политические, военные, экономические, гуманитарные и правовые вопросы. Существуют различные точки зрения по этому поводу. Так, одни учёные полагают, что изданные органами международной организации юридические положения, служащие осуществлением ее внешних задач, подлежат обязательному выполнению ее членами (В. Моравецкий). В то же время, другие специалисты отмечают, что при разработке уставов учредители организации очень тщательно решают, в какой мере постановле-

ния организации по основным вопросам ее деятельности смогут их связывать в дальнейшем (Н. Б. Крылов).

Следует отметить, что уставы ММПО прямо предусматривают такую возможность достаточно редко. Так, из статей 24, 25 Устава ООН вытекает юридическая обязанность для всех членов ООН решений Совета Безопасности, принимаемых по вопросам поддержания всеобщего мира и безопасности. В ч. 1 ст. 24 Устава ООН закреплено, что для обеспечения быстрых и эффективных действий Организации Объединенных Наций ее Члены возлагают на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности и соглашаются в том, что при исполнении его обязанностей, вытекающих из этой ответственности, Совет Безопасности действует от их имени. Ст. 25 Устава ООН устанавливает, что члены Организации соглашаются, в соответствии с настоящим Уставом, подчиняться решениям Совета Безопасности и выполнять их. К юридически обязательным актам ММПО, по вопросам непосредственного осуществления целей организации, так же можно отнести регламенты и директивы институтов Европейского Союза. Они имеют право издавать акты, имеющие обязательную юридическую силу на территориях государств-членов ЕС. Данная специфика обусловлена наднациональным характером этой ММПО.

Некоторые ММПО обладают правом издавать регламенты специального технического характера, обязательные для всех членов, которые не отклонили их немедленно или по истечении определенного срока. Об обязательном характере такого регламента, например, говорится в Уставе Всемирной организации здравоохранения. Согласно п. а ст. 21 Устава ВОЗ, Ассамблея Здравоохранения имеет полномочия устанавливать права, касающиеся санитарных и карантинных требований и иных мероприятий, направленных против международного распространения болезней. В свою очередь, ст. 22 Устава ВОЗ устанавливает, что правила, принимаемые в соответствии со ст. 21, становятся обязательными для всех членов после того, как будет сделано должным образом оповещение об их принятии Ассамблеей Здравоохранения, за исключением тех членов Организации, которые известят Генерального директора в указанный в оповещении срок об отклонении их или оговорках в отношении них.

Если юридически обязательные акты ММПО, несомненно, являются источниками международно-правовой ответственности, то в отношении рекомендательных резолюций мнения специалистов разделились. По общему правилу они не могут быть источниками международно-право-

вой ответственности, так как не порождают международно-правовых обязательств. Данная позиция достаточно очевидна и её придерживается подавляющее большинство учёных и практиков (Б. М. Ашавский, Г. Е. Бувайлик, В. А. Василенко, Г. К. Дмитриев, И. И. Лукашук, Ю. В. Щёкин и др.). Рекомендательные акты чаще всего содержат политические и/или моральные обязательства, соответственно и ответственность за их неисполнение является политической и/или моральной, но не юридической. Данная позиция также подтверждена Комиссией международного права ООН. В Комментарие к Проекту статей об ответственности государств 2001 г. содержится следующее положение: «Рекомендации, сделанные органами международных организаций или «не имеющие обязательной силы соглашения», такие как Заключительный акт Хельсинкского совещания от 1 августа 1975 года, могут выражать обязательства или нормы, не имеют целью быть юридически обязательными как таковые».

В то же время, в доктрине международного права, есть позиция, обосновывающая изменение формального статуса рекомендательного акта ММПО на юридически обязательный в случае принятия его единогласно или подавляющим большинством голосов членов организации. Её поддерживали Ф. И. Кожевников, С. Б. Крылов, М. М. Минасян, Д. И. Фельдман, М. В. Яновский. Изначально она была связана в связи с принятием Генеральной Ассамблеей ООН ряда резолюций: по правам человека (217 (III) от 10.12.1948 г.), статусу космического пространства и небесных тел (1962 (XVIII) от 13.12.1963 г.), новому международному экономическому порядку (2625 (XXV) от 24.10.1970 г., 3281 (XXIX) от 12.12.1974 г.) и определения агрессии в международном праве (3314 (XXIX) от 14.12.1974 г.). Как раз эти резолюции и были приняты либо единогласно, либо подавляющим большинством голосов, что позволило вышеуказанным специалистам утверждать о формировании исключительных случаев в практике ГА ООН, свидетельствующих о наличии высочайшей степени согласования воли государств в рамках ООН. Это, по их мнению, изменило формальный статус актов Генеральной Ассамблеи.

На наш взгляд, такая позиция, по сути, означает пересмотр уставных положений ООН в неустановленном порядке. Между тем, следует подчеркнуть важность указанных резолюций в формировании норм общего международного права. Однако в этом случае самостоятельного юридического значения они иметь не будут и, соответственно, источником международно-правовой ответственности тоже.

Исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод, что источником юридических оснований ответственности государств могут быть только те акты ММПО, которые обладают юридически обязательной силой и приняты в строгом соответствии с их учредительными документами. Рекомендательные акты, либо акты ММПО, которые противоречат её уставу, изданные с превышением предоставленных ей полномочий, не могут быть источником юридических оснований ответственности государств.

О. А. Курганникова¹

СПЕЦИФІКА ІНСТИТУЦІЙНОГО СТАТУСУ ЄВРОПЕЙСЬКОЇ КОМІСІЇ З ЕФЕКТИВНОСТІ ПРАВОСУДДЯ (СЕРЕЈ)

Інституційна система Ради Європи (далі – РЄ) зазнає суттєвих змін, що мають забезпечувати її адаптацію до ускладнення завдань , що постають перед нею. Такі зміни мають різний характер за змістом та різну обумовленість. Прикладом може бути «реагування» на розширення РЄ на початку 90-х років , коли членства в цій організації набули пострадянські та постсоціалістичні країни. РЄ стала важливим чинником проведення реформ в цих країнах, забезпечуючи імплементацію базових стандартів демократичного суспільства, що відповідає її статутним завданням. [1] Особливе значення мала участь нових членів РЄ у Конвенції про захист прав людини та основоположних свобод (далі – ЄКПЛ) та відповідному контрольному механізмі. Однак , вже в середині 90-х років стала очевидною невідповідність між характером та обсягом нових завдань Ради Європи та існуючими інституційними можливостями цієї міжнародної організації. Саме цим , зокрема, пояснюються такі важливі події як реформування процедур Європейського Суду з прав людини (далі – ЄСПЛ) та інших контрольних та моніторингових органів РЄ. Створення Європейської Комісії з ефективності правосуддя (далі – СЕРЕЈ, що є загальноживаною аббревіатурою французької назви) має розглядатись саме у цьому контексті.

¹ Аспірант кафедри міжнародного права Національного юридичного університету імені Ярослава Мудрого